

А. М. БОЛЬШАКОВ.

Из быта крепостных крестьян.

(По архивным документам).

А. М. Boljschakoff. — „Aus dem Leben der leibeigenen Bauern“.

Das Material der vorliegenden Arbeit ist aus dem Gutsarchiv von Wirtschaftsdokumenten des 18-ten und 19-ten Jahrhunderts der Adelsfamilie Trubnikoff gewonnen; der Autor bringt die Korrespondenz der Trubnikoff's, die ständig auf ihrem Gute im Twerschen Gouvernement lebten, mit den Verwaltern und Bauern ihres im Gouvernement Rjasan gelegenen Gutes. Der Briefwechsel erstreckt sich auf den Zeitraum zwischen den zwanziger und sechziger Jahren des 19-ten Jahrhunderts und spiegelt die verschiedensten Seiten des Lebens der leibeigenen Bauern wieder.

Одним из источников, откуда краевед черпает материалы, в том или ином отношении характеризующие местный край, являются архивные фонды, а среди них — помещичьи архивы. Эти архивы, подчас довольно обширные, обычно отражают историю развития как самого помещичьего хозяйства (иногда чрезвычайно оригинальную), так и историю развития тех взаимоотношений, которые складывались между помещиками и крестьянами. Там, где подобного рода архивы уцелели, краевед должен внимательно изучить их — они дадут ему большой и ценный фактический материал.

Случайно попав в бывшее помещичье гнездо дворян Трубниковых — в село Михнево, Застолбской волости, Тверского (прежде Бежецкого) уезда, я на чердаке громадного господского дома обнаружил архив хозяйственных документов и переписки господ с крестьянами и крестьян с господами. Материалы относятся и к XVIII и к XIX векам.

При рассмотрении переписки удалось установить, что у Трубниковых, постоянно проживавших в своем имении в Тверской губ., было еще имение в Спасском уезде, Рязанской губ. (деревни: Казаково, Слободка и др.), которым они управляли при помощи бурмистров и старшин, снабжая последних своими приказами, при чем копии приказов оставались на месте, в Тверской губ., куда (когда — неизвестно) были доставлены из Рязанской губ. и сами подлинники. Донесения и отписки бурмистров и разного рода письма крестьян из рязанского имения бережно хранились вместе с упомянутыми приказами.

В настоящей статье я использовал часть переписки Трубниковых с крепостными крестьянами. Приводимые ниже выдержки из приказов донесений, отписок и писем рисуют нам ряд интересных картин из быта крепостной эпохи, точно передавая общий дух и колорит этой

эпохи, так далеко от нас отошедшей. Со стороны помещиков переписка за период 20-ые — 50-ые годы XIX века ведется от имени Н. И. Трубникова, а с 1857 года — от имени сына его, А. Н. Трубникова.

Происхождение крепостного права. Крепостное право, существовавшее на Руси века, даже и в XIX веке почиталось помещичьей массой за учреждение божественного порядка, которое ведет свое начало чуть ли не от сотворения мира и должно стоять непоколебимым, может быть, до конца дней.

Так, помещик в приказе своему бурмистру пишет всего лишь за 10 лет до освобождения крестьян:

„для вас (т.-е. для крестьян—А. Б.) Бог сотворил на земле начальство Господ, а для Господ сотворил Бог крестьян, почему одни без других существовать не могут“ (Приказ от 7 ноября 1851 г.).

Таким образом, наш почтенный помещик мыслил крепостное право институтом, подобным церкви, при чем в этой своеобразной церкви господа (в приказе это слово начертано с большой буквы), повидимому, были предназначены играть роль священства, а крестьяне— смиренных мирян, во всем послушных воле своих, богом назначенных, руководителей.

Если крепостное право исходило от самого бога, то и сама крепостная служба носила некоторые религиозные черты,—так, по крайней мере, она понималась помещиком.

„Напоминаю тебе“,—пишет он своему бурмистру (8 июня 1847 г.),—„будь осторожен, веди себя честно и богобоязливо, служи верно, чтобы тебе не отвечать Богу и Господам, как здесь так и там („там“—повидимому, в загробной жизни—А. Б.). Ты не столько Господам служишь сколько Богу, ибо Господа не по своей воле поставили тебя начальником над вотчиной, а Бог вразумил их и поставил тебя на это место. Итак, если ты исполнишь все приказания в точности, верен Господам, то верен и Богу. Господ ты на некоторое время можешь обмануть, но Бога — никогда; всякое малое лукавство откроется, нет ни одного дела, которое бы осталось неузнанным: как масло в воде—как ни топи его, все наверх всплывает“.

Само собой разумеется, что подобное „божественное“ происхождение крепостного права способствовало классу землевладельцев эксплуатировать подневольное население своих поместий.

Управление крестьянами. Смысл существования крепостного, с точки зрения помещика, сводился или к отправлению крепостным крестьянином барщины или к платежу оброка. Непосредственную работу, барщину, выполняли обычно крестьяне, жившие на глазах у помещика или же, что было в крупных имениях, находящиеся в ведении опытного управляющего. В маленьких же имениях, заброшенных далеко от местожительства барина, крестьяне выплачивали своему господину определенный денежный годовой оброк. Поэтому система управления помещьем, где владелец мог бывать лишь наездами и не часто, должна была быть таковой, чтобы гарантировать помещику исправное получение оброка.

И мы видим, что в Рязанском имении Трубникова управление крестьянами было построено чрезвычайно рационально с точки зрения наибольших гарантий исправного получения оброка. Управление, если можно так выразиться, единолично-коллегиальное и трехъярусное. Ответственность перед бариним несут: бурмистр, старшины (по одному от каждой деревни) и мир. Бурмистр и старшины назначают помещику из числа наиболее зажиточных крестьян. Все наиболее важные хозяйственные мероприятия должны проводиться в жизнь при полном согласии бурмистра и старшин, каковое согласие часто фиксируется

в особом письменном акте — в приговоре. В самых важных случаях бурмистр и старшины решают дела совместно с миром — сходом всех домохозяев данной вотчины. Так как неправильные действия в области вотчинной экономической политики любого члена нашей трехстепенной власти могут нанести материальный ущерб двум остальным категориям власти, то все они взаимно надзирают друг за другом, апеллируют к барину и пр... Выше я назвал управление вотчиной единолично-коллегиальным потому, что власть бурмистра была все же наивысшей, наибольшей по объему и имела тенденцию подчинить себе и старшин и мир.

Обратимся к переписке.

Помещик (приказ от 12 июня 1846 г.) делает общее указание бурмистру о чем последний должен всегда помнить:

„Ничего на свете нельзя утаить, все всплывает наверх и ты ожидай за хорошее, как верный раб, награждения, а за худое за все — примерного взыску и наказания. Вот эти слова мои всегдашние помни, и бойся Бога и легко исполнишь обязанность свою. Бог тебе помощник, но в дурных делах он карает, после же спохватившись, да поздно*. Тебе надо как можно стараться внушить крестьянам, в особенности не совсем благоразумным: за неисполнение своих обязанностей они ответят не только Господину, но и Богу*.

После приведенных общих указаний, помещик деловито ставит на вид бурмистру и старшинам (приказ от 27 мая 1845 г. ¹⁾):

„Оброк ты обязуешься выбирать безнедоимочно; недоимки буду считать на тебе и старшинах*.

И, действительно, мы можем убедиться, что слова помещика — не пустая угроза. Так (приказ от 28 сентября 1848 г.), барин пишет:

„Насчет оброку опять тоже медленность. И если он не будет прислан к 10 октября, — ты заплатишь 25 руб ассигнациями ²⁾ штрафу, а все старшины по 12 руб. 50 коп.

В этом же приказе, за промедление в высылке из рязанского поместья в тверское некоего мальчика Картинкина, предназначенного помогать садовнику, бурмистру объявляется:

„Твои действия я почитаю за явное уклонение от исполнения моих приказаний и на первый раз за это ты должен внести за себя к оброчной сумме штрафу 25 руб. ассигнациями. Если же и после сего замедлишь исполнением, то внесешь еще не 25 р. ас., а 25 руб. серебром и все старшины по 25 руб. ас.*.

В другом приказе (от 31 марта 1846 г.) штраф на бурмистра налагается за плохой присмотр за барской лошадью, от чего последняя погибла:

¹⁾ Составляя мозаичную картину крепостного быта из отдельных мест нашей переписки, мы, цитируя переписку, не заботимся о хронологической последовательности в цитатах, имея в виду, главным образом, последовательность логическую.

²⁾ Ассигнации — бумажные деньги, выпущенные Екатериною II с целью „облегчения хождения медных денег“. Так как медная монета была чрезвычайно неудобна и громоздка, а ассигнации свободно разменивались правительством на звонкую монету, то население выпуск ассигнаций встретило очень сочувственно. Однако, скоро правительство стало злоупотреблять выпуском ассигнаций — оно выпускало их все больше и больше и совсем прекратило размен ассигнаций на серебро. Ассигнации были в обращении до 1843 года, когда их заменили кредитными билетами. Укажем стоимость одного рубля в ассигнации на серебро для ряда лет: в 1799 г. — 99 коп., в 1800 г. — 66¹/₄ коп., в 1807 г. — 53³/₄ коп., в 1814 г. — 20 коп. Когда правительство стало сокращать выпуск ассигнаций, курс их поднялся — так, в 1833 г. курс дошел до 27¹/₄ коп. При замене в 1843 г. ассигнаций кредитными билетами один кредитный рубль был приравнен 3 руб. 50 коп. ассигнациями.

„За такую дерзость („дерзостью“ здесь именуется недосмотр за лошадью — А. Б.), с получением сего приказа выслать ми: 50 руб. из собственного кошта, а в другой раз за такое нерадение о господском имуществе я с тебя примеру взыщу. Господскую вещь должен беречь паче своего глаза“.

Само собой разумеется, что при наличии строгого барина, штрафующего бурмистра и старшин за малейшее упущение, исполнять обязанности бурмистра было и хлопотливо и накладно. И бурмистры, под разными предлогами, стремятся освободиться от своей должности. Бурмистр (письмо от апреля 1845 г.) пишет барину:

„Воля Ваша, мне очень трудно Вашей милости в должности служить из-за малых детей. Ваше благородие, пожалейте меня несколько, во второй я Вас раз беспокою по необходимости своей“.

По поводу возбужденного ходатайства („во второй раз“) помещик отвечает бурмистру почти через год (23 февраля 1846 г.):

„Хотя ты и пишешь и просишь чтобы сменить тебя, но это происходит от грубости или непривычки почитать и любить Господ своих и быть верным их рабом. Тебя мне Бог внушил поставить старшим над многими. И что мне пользы освободить тебя от должности? Ты будешь платить оброк, как и простой мужик, а я вручу вотчину безсильному и немощному, который не только не в состоянии несколькими людьми управлять, но не сможет и сам собою управлять. И тогда вотчина погибая и не с кого ничего взыскать“.

После этого увещания бурмистр Иван Васильев еще не раз вызвал к своему господину об отставке; в 1852 году (20 января) он пишет решительное письмо:

„При сем доношу Вашей милости — теперь я с батюшкой и с братом с весны буду жить порознь (повидимому, разделились — А. Б.). У меня, Вам известно, ребятишки малолетние. Теперь мне служить при должности решительно не от кого, — прошу Вас, Ваше Высокоблагородие, не оставьте моей просьбы: Христа ради освободите меня от должности. Бога ради не дайте мне разориться, теперь нахожусь в семействе одинокий человек. Слава Богу, прослужил девять лет, — теперь время избрать другого“.

Но и после этого отчаянного письма Иван Васильев еще несколько лет остается в должности бурмистра...

Старшины, являясь помощниками и советниками бурмистра, обычно не выступали в качестве отдельной стороны. Они шли или с бурмистром, или с миром или же с тем и другими.

Мир, если не было специальных указаний барина, проявлял свою власть при дележке крестьян, при назначении рекрутов, при раскладке оброка, при учете бурмистра в расходовании мирских денег и пр. Но иногда, при исключительных обстоятельствах, выступления мира носило особо выпуклый характер.

По поводу назначения бурмистром некоего Василия Крыгина, старшины и мир пишут барину (от 25 марта 1858 г.):

„Покорно просим всемирно бурмистра Крыгина от должности отставить. Он нам неудобен, потому что он есть человек, замешанный в многих действиях. Опять мы повторяем всемирно, что если Ваша Милость изволит поручить сбор денег Крыгину, то мы ему Крыгину не поручаем и чтобы нам за него не отвечать. Затем остаемся подданные рабы и слуги Вашей Милости (идут подписи)“.

Крыгин, с назначением которого мир боролся не на живот, а на смерть, того же 25 марта доносит барину:

„Насчет повинновения и послушания ко мне, я не вижу ничего иного кроме одного упорства (со стороны старшин — А. Б.).

На просьбу старшин и мира помещик отвечает (приказ от 3 апреля 1858 г.):

„На письмо мирское сим отвечаю: на перемену бурмистра я не согласен, так как недавно, в мою бытность (т.-е. при личном посещении поместья—А. Б.), я спрашивал лично и старшина и мирян и все были довольны (т.-е. довольны назначением Крыгина—А. Б.) и не о какой фальше мне не донесли, значит теперь на него простой наговор“.

Однако мир, который по неизвестным нам причинам встретил, в свое время, назначение Крыгина молчанием, приказ своего господина к исполнению не принял: мир воюет с Крыгиным и посылает к помещику, в Тверскую губернию, своих ходоков. Крыгину, как непризнанному бурмистру, отказываются платить оброк. Так, Крыгин докладывает (от 2 августа 1858 г.):

„Некоторых я призывал и требовал оброк, хотя явились и обещались принести деньги, но после ни один мне не показывался, а другие совершенно не явились...“

Раздаются даже (если только Крыгин, который пересказывает в своем донесении речи крестьян барину, не сочиняет—А. Б.) в некотором роде революционные речи:

„Мы (т.-е. крестьяне—А. Б.) знать ничего не хотим, ибо мир больше барина и мы делать ничего не будем пока назад не возвратится Петр Егоров (кандидат от мира в бурмистры—А. Б.) и непременно сделаем его бурмистром“.

Так как миру удалось доказать, что Крыгин пропил мирские деньги, то барин уступил и назначил бурмистром Петра Егорова (приказ от 7 сентября 1858 г.). Оказывается Крыгин, помимо пьянства, был, действительно, человеком „замешанным во многих действиях“—так, новый бурмистр сообщает помещику (от 15 сентября 1858 г.):

„в вотчине Вашей обстоит благополучно и благопристойно, исключая только Крыгина, — попался в воровстве четырех лошадей и теперь сидит в остроге“.

А еще немного спустя (5 октября), мир пишет барину о Крыгине:

„за пропитые деньги и за разные его пустые и напрасные паносы, чем он беспокоил и расстраивал Вашу милость; одним словом сказать, — за все его мучительство нас, прикажите и благоволите нам его, Крыгина, при полиции наказать (т.-е. высечь—А. Б.), — сим подать пример другим бурмистрам, чтобы мирские деньги не пропивали“.

Подобную же просьбу мир повторяет еще раз (30 ноября):

„прикажите сим Крыгина хорошенько наказать при сходе розгами“.

И снова мир соблазняет барина мотивом „чтобы впредь другие бурмистры не тратили мирские деньги“. Но барин так и не разрешил высечь Крыгина—или он нашел, что для Крыгина достаточно и острога или же он опасался, что рассвирепевший мир может, просто на просто до смерти засечь Крыгина и тогда барин, потеряв крепостного, понесет убыток.

Правила. В переписке имеется изложение некоторых правил, которыми надлежало руководствоваться всем жителям вотчины. Вот главные из этих правил (от 1845 г.):

„1) Из среды Вас (т.-е. крестьян—А. Б.) избраны мною начальники—бурмистр и старшины, коим приказываю иметь неусыпное смотрение за подчиненными им крестьянами, во всяком случае оказывать должную им справедливость, яноситься к Госпо-

дам (т.е. докладывать господам—А.Б.) о каждом поистине кто чего заслуживает и не смотреть на родство или вражду с кем;

2) Бурмистр вместе со старшинами делают приговор виновным, накладывают на мир налоги, тягла, назначают рекрутов; вообще все, что касается до мира должно быть сделано с общего приговора; утверждение же всего зависит от меня самого;

3) Крестьянин, желающий явиться к Господам своим (т.е. прибыть из Рязанской губ. в Тверскую—А.Б.) по своей надобности, заблаговременно должен уведомить Господина своего через бурмистра, и буде получит на то дозволение Господина.— может явиться;

4) Об умерших крестьянах обоего полу и всякого возрасту доносить мне сейчас же, а равно и вновь родившихся;

5) Жениться без особого на то дозволения Господина и выходить замуж не позволено, желающие вступить в брак должны через бурмистра уведомить Господина и ждать его разрешения;

6) Старшие в семействах обязаны вести себя как можно лучше, быть рачительными и приучать к трудам и церкви Божьей своих детей, не позволять им баловаться, а за дурное наказывать; младшие должны повиноваться старшему и без его ведома ничего не делать— через это сохранится порядок в семействах*.

Оброк. Самая главная и даже „святая“, как она именуется в некоторых приказах, обязанность крепостного заключалась в уплате оброка. Из нескольких сотен приказов, нами просмотренных, нет почти ни одного, где не шла бы речь об уплате оброка. Требуя оброк, помещик грозит своим крепостным всем, чем может— от бога до розог включительно, при чем собранные деньги должны быть немедленно пересылаемы господам.

„Сохрани тебя Бог“,— пишет помещик бурмистру (приказ от 15 июня 1853 г.),— „держать господские деньги при себе. Как только собрал их,— сейчас же, с первою почтою высылай и у себя не задерживай. Если же я узнаю, что ты у себя деньги задерживаешь, то строго за сие ответишь“. Или (приказ от 11 августа 1853 года): „Надобно бы тебе давно выслать деньги. Я никак не понимаю, что ты там делаешь и о чем ты думаешь? Год от году затягиваешь оброки и не собираешь их своевременно. Через таковую неаккуратность ты разоряешь крестьян: когда у крестьянина есть деньги, то ты не собираешь, а когда он истратил или у него нет, то ты требуешь и т. д.*.

Что касается величины оброка, то в одном из донесений (от 20 июля 1839 г.) бурмистр пишет: „...полагаете с бедноты с ревизской души, по 20 р. ассигнациями, а с богатых— по 30 р. ас.*. А так как последняя перед 1839 годом ревизия ¹⁾ была в 1835 году (восьмая), то количество в семьях лиц мужского полу, с которых брали оброк и разные налоги, более или менее соответствовало числу „ревизских“ (мужских) душ в семьях. Считая в среднем, что каждая крестьянская семья имеет, с детьми и стариками, три лица мужского полу, то выйдет, что семья бедного крестьянина должна была платить 60, а богатого— 90 руб. ас. годового оброку. Цена же хлеба,— об этом упоминается в том же донесении,— в 1839 году была 2 руб. ас. за пуд; следовательно, в переводе на хлеб, оброк колебался от 30 до 45 пудов с семьей. И неудивительно, что, как пишет бурмистр, „беднота совершенно упорствует в оном налоге оброка; они имеют отговоры, что не в силах платить оного оброка“,— оброк довольно высокий, хотя помещик так и не обратил внимания на упорство бедноты.

Если оброк был значительным, то, естественно, что за отдельными крестьянами копилась недоимка. Какие же меры воздействия применялись по отношению к неплательщикам?

¹⁾ Ревизия— пересчет податного населения в России,— введена Петром I. Всего было десять ревизий: 1-я— в 1724 г., 2-я— в 1743 г., 3-я— в 1765 г., 4-я— в 1787 г., 5-я— в 1796 г., 6-я— в 1812 г., 7-я— в 1815 г., 8-я— в 1835 г., 9-я— в 1851 г., 10-я— в 1858 г. С 1878 года ревизии заменены переписями. До последнего времени „ревизской душой“ именуется мужчина попавший по последней ревизии в „ревизские сказки“— в переписные листки.

Помещик пишет (приказ от 24 февраля 1843 г.):

„Дозволяется тебе, бурмистр, и вам, старшины, по усмотрению и общему вашему согласию продавать имущество и скот тех неплательщиков, которые по состоянию своему могут платить оброк безнедоночно, но по закоренелому упрямству не хотят платить его, в этом случае вы должны сперва действовать кроткими мерами, т.е. усовестивать, чтобы заплатил оброк честью; если это не подействует, то сделать ему чувствительную экзекуцию; а если и после этого будет продолжать упорствовать, то, как выше сказано, продавать на уплату оброка скот и имущество“.

Тех неплательщиков, которых перечисленные меры воздействия не могли исправить, помещик выселял из Рязанской губернии, с насильственных гнезд, с семьями к себе в Тверскую губернию, где уже самолично занимался перевоспитанием нерадивых крепостных. Так (приказ от 5 марта 1845 г.), перечисляя ряд семей, подлежащих переселению, помещик пишет:

„Остающимся же здесь (т.е. в Рязанской губ.—А. Б.) советую: кто хочет избежать той же участи, вести себя хорошо и быть радвыми, как себе так и Господам“.

Когда барину казалось, что бурмистр действует недостаточно энергично собирая оброк, помещик требовал его „для личных объяснений“ к себе, в Тверскую губ., причем все путевые издержки ложился на личный счет бурмистра. Читаем (донесение от 15 сентября 1859 г.):

„Ваша Милость изволила предписать, что бы мне явиться в Михнево для личного объяснения о платеже оброка. Нельзя ли Вашей Милости меня от этого освободить, ибо дорога к Вашей Милости есть дальняя и потребуются немалые расходы, а все будет не в пользу, ибо я от всей души стараюсь для Вас, но лучше этого не могу успеть в своем деле. Теперь уже скоро сами крестьяне будут приходить ко дворам (были отпущены работать на сторону—А. Б.), тогда я многих накажу за обман розгами, почему, по моему приказу, не посылали оброка“.

За промедление в сборе оброка бурмистров сменяли, но и вновь назначенные бурмистры не были в состоянии выколотить оброк дочиста и поэтому вынуждены были выслушивать от своего барина следующее (приказ от 5 августа 1843 г.):

„Ты чего дожидаясь, не стараешься быть верным и нелицемерным рабом и христианином, не хочешь повиноваться воле и исполнять в точности приказания Господ своих? Ты знаешь — как все добрые дела не остаются без награждений, так и дурные без наказания. Ты нисколько не заботишься о высылке оброка. Так я с тобой поступаю так же, как и с бурмистром Игнатом Григорьевым ¹⁾. Даю тебе срок до 1 сентября, — чтобы оброк был собран и с первою же почтою выслан. Пустых писем и отговорок ко мне никаких не писать. Вы, бесчувственные животные, не понимаете милостей Господ своих, которые всегда поступали с вами, как отцы с детьми“.

Если же какой-либо отдельный крестьянин оказывался хроническим неплательщиком и ни расторопность бурмистра, ни таланты самого помещика, ни бог и ни розга не могли выжать из него уплаты оброка, — такого крестьянина отдавали в солдаты, выполняя таким образом и казенную повинность по поставке рекрутов и в то же время избавлялись от зловредного элемента:

„За неплатеж оброка и повинностей пойманного крестьянина Игната Софронова поставить в рекрута в зачет будущих наборов, если только можно и годен“.

В заключение отметим одну утонченно бесчеловечную меру, употребляемую помещиком в его борьбе с неплательщиками. Некий

¹⁾ Этот бурмистр был, в наказание, переселен из Рязанской губ. в Тверскую.

крестьянин Ефим Егоров был в числе неаккуратных плательщиков. У него было двое сыновей подростков, которые ему помогали в работе. И вот помещик переселяет к себе, в Тверскую губ., не всю семью Ефима Егорова, а требует в Тверскую губ. на постоянное жительство сыновей Егорова, заставляя последнего терять и сыновей и работников. Бурмистр пишет (21 апреля 1844 г.) барину:

„А Ефим Егоров отправляется к Вашей Милости по своему желанию для своих детей. Ваше Благододие, Вы хотите взять у Ефима Егорова детей. Но только он теперь с детьми мог бы поправиться, а без детей он не может быть крестьянином и даже лишится своего дома*.

На это донесение помещик отвечает (9 мая 1844 г.):

„Ефиму Егорову скажи, чтобы он теперь старался оброк платить, ибо он жаловался на детей, что оттого он не платит оброка, что они его объедают, — так теперь они объедают его не будут. Я об них буду стараться, чтобы они были добрыми людьми, а не такими лентяями и мерзавцами, как он*.

По адресу же самого бурмистра, в связи с этим делом, барин пишет:

„Предупреждаю тебя, что о приказаниях Господина в другой раз не смей рассуждать, а исполнять их как предписано от меня в приказе. Худо ли, хорошо ли вам кажется — это не ваше дело. Господин знает лучше вас, что он делает и ты за это не отвечаешь. Не смей предлагать мне свои глупые советы, за самовольство и не исполнение я примерно взыщу*.

Отпуск крепостных в работу и обучение ремеслу. Так, как оброк был, как мы убедились довольно большим, то покрывать его доходами от земледелия не представлялось возможным. Надо было искать заработков на стороне, — „идти в работу“, как тогда говорили. И сам помещик и бурмистр заботились о том, чтобы крестьяне, покончив с полевыми работами, не гуляли, а подрабатывали бы на стороне.

„Вторично приказываю тебе*, пишет барин бурмистру (приказ от 2 апреля 1848 г. ¹⁾), — „по получении сего народ распустить в работу, кто куда желает, кроме тех крестьян, о которых будет сказано ниже. При отпуске людей задатки собрать (конечно, с нанIMATEЛЕЙ— А. Б.) по 25 руб. асс. со всем старанием в оброчную сумму, которую немедленно прислать ко мне*.

Бурмистр на этот приказ отвечает (21 апреля):

„Вы изволите предписывать остальной народ распустить в работу. Объясняем Вашей Милости, что означенный народ отпущен в работу по паспортам. Еще предписываете собрать с оных крестьян оброку по 25 руб. Но только объясняю я Вашей Милости, что у нас, на нынешнюю весну, получили на рабочих задатки на человека по 21 руб. Из оных денег выдали каждому человеку на паспорт по 3 р. 50 к. асс., еще из оных взято в постав по 5 руб., из оных же дано каждому на дорогу по 2 р. 50 к. А Вашей Милости поступило из оного задатка в оброчную сумму по 10 р. с человека*.

Паспорт или билеты писались самим помещиком на гербовой бумаге ценою в 50 к. серебром (или 3 р. 50 к. ассигн.). Вот текст подобного паспорта:

„Билет: Прельзавитель сего крепостной мой крестьянин (уезд, деревня, имя, отчество и фамилия) отпущен от нижеписанного числа впредь на шесть месяцев, где себе работы приишет, которого без сумления держать для жительства в разных губерниях, сроком от нижеписанного числа на шесть месяцев; если же в течение льготного месяца после сего срока не явится, то с ним поступлено будет как с бродягою. Дан (там-то и тогда то)*.

¹⁾ Приказ писан весной. Здесь речь идет об отпуске в работу тех, кто является, по расчетам помещика, излишним для летних работ в вотчине.

Дальше шли приметы крепостного и подпись помещика. Текст билета был отчасти печатный, а отчасти рукописный, среди которого красуется и это „без сумления“.

Обучаться ремеслу отдавали подростков на три-пять годов. За обучение иным ремеслам помещик даже платил мастеру. Так, по договору от 29 октября 1857 года, за мальчика Асатова, отданного „для обучения живописному мастерству, разному художеству, под лепную работу карнизы, потолки, арнаменты, цветы, ландшафты и фигуры“ и пр. помещик, за все обучение, платил 200 руб. Среди условий стоит, что в случае неповиновения „должен я Асатова наказать по размерности вины неувечно“.

Нужно думать, что обучение ремеслу зачастую было горькой чашей для мальчуганов. Так, бурмистр доносит (от 4 февраля 1859 г.):

„Еще Вашу Милость уведомляем, что прибежали из Москвы, из учения мальчики (прибежали в Рязанскую губ. за несколько сот верст — А. Б.) все четверо ко дворам. И я их в то же время хотел отправить опять на их места, но как они мальчики прибежали все раздетые (это зимой-то! — А. Б.), многие босые — удвительно, как не замерзли. И говорят, что нам ученье самое плохое, лучше к Вашему Высокоблагородию все, четверо, пойдем и куда хотят и угодно нас девают“.

Помещик, не входил в обсуждение вопроса, почему учение было „самое плохое“ и что скрывается под этим термином „плохое учение“, отвечает (приказом от 21 марта 1859 г.):

„Мальчиков мне к себе не нужно, а их немелзяно отправить к своим местам в Москву. Против воли их мастеров я не могу дать согласия, как всегда говорил. Беглых принять невозможно“.

На этот приказ бурмистр пишет (6 апреля):

„Ребят прибеглых из Москвы после Пасхи в скором времени отправлю, ибо до Пасхи, с получением Вашего приказа, сделалось распутье — значит, могут потерять здоровье“.

Работа для крепостных отыскивалась помещиком, между прочим, путем публикации в газетах. Так, в письме на имя нашего помещика от купца Шателена говорится (письмо от 24 апреля 1857 г.):

„По публикации, сделанной от имени Вашего, предлагается в заработку 30 человек работников от 18 до 40 лет и 20 женщин от 12 до 30 лет. Люди эти, я нахожу, могут быть помещены на моей шелковой фабрике“... и т. д.

Брак. Если в деревне, еще сравнительно недавно, воля родителей жениха и невесты играла не только важную, но даже решающую роль при заключении брака, то в период крепостничества судьба жениха и невесты находилась под двойной деспотической опекой — помещика и родителей. Обычно брак заключался в таком порядке: родители намечали для своих детей подходящую „пару“, потом сообщали помещику о сделанном выборе и уже от барина зависело разрешить или не разрешить данный брачный союз.

Так, барин пишет бурмистру (приказ от 15 января 1848 г.):

„Федор Панкратов и Абрам Гаврилов просили письмами о женитьбе своих сыновей. Я потому не заботился отвечать, что ты об них в донесении ничего не писал. Им сказано, что помимо бурмистра Господ не беспокоить пустыми просьбами, а у кого есть какая просьба до Господ, то должны просить бурмистра и он, при донесении Господам, должен написать о просьбе крестьянина непременно, если она не вздорная. Итак, вышеупомянутым крестьянам сыновей женить позволить, если они имеют в этом надобность“.

Дело с заключением брака было сравнительно просто, когда и жених и невеста принадлежали одному и тому же владельцу. Но

если невеста, да еще вдобавок богатая невеста, выходила замуж в вотчину другого помещика, то наш помещик терял в лице невесты крепостную и, вместе с невестой, из вотчины уходило ее приданое, которое, как и все имущество любого крестьянина, барин считал своей собственностью (приказ от 31 марта 1846 г.):

„Вы не привыкли знать Господ своих и любить их и не понимаете, что ваше спокойствие, счастье и богатство от них зависит, потому что они дают вам время и способ приобретать богатство — почему всякий крестьянин, что он имеет, это есть собственность, как его, так и господская“.

Так, в одном приказе (от 18 февраля 1845 г.) читаем:

„Выпуск из вотчины девки с достатком обременителен для вотчины тем, что уходит приданое в чужие руки (т.е. в собственность другого помещика — А. Б.). Поэтому я иначе не согласен ее (речь идет о дочери некоего Ивана Панфилова, крестьянина с достатком — А. Б.) выпустить на волю, как за 400 руб. (ассигнациями)“.

Невесту с обычным достатком барин выпускал в другую вотчину (давал ей „вольную“) за 20 руб. серебром. Так, некий крестьянин Копейкин пишет своему барину (15 марта 1860 г.):

„Ваше Высокоблагородие, Милостивый Государь и отец наш Арсений Никанорович! Сим честь имею Вашу Милость покорнейше просить, так как крестьянин Милости Вашей деревни Козаковой Иван Артамонов Копейкин, по совету бурмистра своего Петра Егорова Пряникова, за неимением в своей вотчине женихов, просватал свою дочь, девицу Анну Иванову Спасского же уезда в деревню Никитину господина Харлампия Ивановича Одицова за крестьянина Якова Калинова. Приметы ее, Ивановой: лета — 17 лет, росту 2 арш. 3 верш., волосы и брови — русые, глаза — серые, нос — прям, рот — умерен, лицо — чисто, особых примет не имеет (знать приметы помещику было необходимо для того чтобы вписать их в „вольную“ — А. Б.). При сем извольте за нее, Иванову, получить 20 руб. серебром — по данному Вами приказу бурмистру. Оные деньги жених свои Вашей Милости выслал. И сделайте такую милость к Пасхе вольную ей, Ивановой, пришлите, потому что за кого ее просватали, то человек есть одинокий, в неделю Фомину предположено быть свадьбе и как только повенчаются, то вскоре нужно будет жениху идти в работу. Явите милость Отцовскую — ускорьте. Остаюсь в ожидании верно-поданный раб и слуга Иван Артамонов Копейкин“.

Текст „вольной“ (или „выводной“), о которой просил Копейкин был такой:

„Дата. Я, нижеподписавшийся (чин, имя, отчество и фамилия помещика), разрешаю крепостной моей крестьянской девке (имя, отчество и фамилия), писанной за мной по 10-й ревизии ¹⁾ (выводная от 1860 г.) Рязанской губ., Спасского уезда, в деревне Козаковой выйти в замужество в вотчину господина (фамилия помещика) за крестьянина (имя, отчество и фамилия). Приметами она... В удостоверении чего и подписуюсь с приложением именной печати (подпись)“.

Приведенный текст типичен для акта, именуемого „выводной“. „Вольная“ обыкновенно писалась в более торжественных выражениях. Вот текст „вольной“ (от 4 апреля 1860 г.):

„Я, нижеподписавшийся, отпустил вотчины моей Рязанской губ., Спасского уезда, деревни Слободки крепостную крестьянскую девку (имя, отчество и фамилия) вечно на волю, которая в нынешнюю 10-ю ревизию писана в показанной деревне за мною, в семье за № 5 (этот номер — порядковый номер семьи по „ревизской сказке“ — А. Б.), до которой, как равно и до потомков ее, ни мне, ни наследникам моим никакого дела не иметь и не почему не вступаться. Приметами она (идет перечисление примет). В удостоверение чего и выдана ей сия отпускная с приложением именной печати (подпись помещика). Свидетели: что сия отпускная точно что (таким то) его крепостной девке (такой-то) дана, писана и подписана собственною его рукою, в том свидетельствую и подписуюсь (подписи свидетелей)“.

¹⁾ Десятая ревизия (перепись) была в 1858 году.

Иногда на письма, подобные письму Копейкина, помещик отвечал (приказ от 28 сентября 1848 г.):

„Еще о дочери Ивана Панфилова уведомляю, что она в замужество на волю отпущена быть не может, но чтобы шла замуж за своего крестьянина. Насчет сына Андрея Осипова, которому на вольной жениться не дозволять, — если желает, то может прискать невесту в своей вотчине“.

По поводу одного из приказов барина бурмистр доносит (от 29 октября 1848 г.):

„Еще Вы предписываете: ко вдове, к Данилкиной матери, прискать жениха. Есть у нас таковые люди — именно вдовый Василий Александров, только ненадежный человек. А о холостых Вам самим известно. А охотника к ней во двор взойти нету. А невольника мы без Вашей Милости приставить к ней не можем“.

Бывало, дело складывалось так, что в рязанской вотчине девушки достигали брачного возраста, а женихов им на месте их жительства не предвиделось. А так как браки между крепостными, с точки зрения помещика, были актом хозяйственного характера (молодожены плодились, — следовательно, увеличивалось количество крепостных людей у данного помещика и пр.), то помещик, из своей тверской вотчины, писал время от времени такие приказы (от 23 января 1850 года):

„Известно мне, что в вотчине много есть совершеннолетних девок, которым не предвидится вовсе женихов. Но, между тем, они бы могли быть хорошими хозяйками и матерями своих детей. Здесь же (т. е. в тверской вотчине — А. Б.) вовсе нет невест. То ты рассмотри со старшинами со всею возможной справедливостью и назначь к выезду в Тверскую губернию. Нужно поспешить выездом как можно скорее, чтобы можно до масленицы их перевенчать. Невест нужно выслать пять, в том числе может быть одна молодая вдова. Девки с какими либо недостатками в здоровье, или уроды, равно и дуры высланы быть не могут“.

Исполняя барский приказ, бурмистр вырывал из родных семей пять девушек и поспешно отсылал их в неведомый и далекий для них край, в Тверскую губернию, где ждали их, тоже подневольные „суженые“, с которыми они и обречены были вековать свою жизнь...

Рекрутчина. Известно, что Петр I, в 1698 году, организовал постоянную армию, комплектуемую дворянами и сбором рекрутов, называемых „даточными“. С половины XVIII века, когда от обязательной военной службы были освобождены дворяне, а потом купцы, почетные граждане и лица духовного сословия, воинская повинность всей тяжестью легла на мещан и крестьян. Рекрутов брали ежегодно определенное количество с известного числа жителей. Допускался „замен“, — вместо данного лица, которому надлежало итти в солдаты, можно было нанять или вообще поставить другого. Допускался и выкуп, — некоторая сумма денег, вносимая в казну, совершенно освобождала человека от воинской повинности. Двадцатипятилетний срок службы, тяжесть ее, жестокие телесные наказания и кулачная расправа, применяемые на военной службе, — все это приводило в ужас тех, кому пало на долю итти на военную службу, а родные рекрута провожали его как в могилу.

Многие из тех, кому надлежало являться в воинское присутствие, бежали куда глаза глядят, другие увечили себя. Те же кому „забривали лоб“ топили свое горе в вине и диком разгуле. И крестьянский мир, сочувствующий горю рекрута, ассигновывал от себя особые суммы на гулянье рекрутам. А чтобы рекрут, которому даже „забрили лоб“, не сбежал до окончательной его приемки в часть, или не изувечил бы себя, тот же крестьянский мир, ограждая свои интересы (чтобы не

ставить вместо сбежавшего или изувечившего себя рекрута нового), приставлял к рекруту из своей среды так называемых „сдатчиков“, которые, что называется „глаз не спускали“ с несчастного рекрута.

Назначение в солдаты того или иного крепостного зависело от воли помещика. А волю свою помещик, до самого последнего момента, не открывал никому — разве только своему бурмистру (иначе рекрут мог сбежать и пр.). Поэтому, чем ближе был срок набора, тем настроение крестьян было тревожнее и тяжелее — всех томила неизвестность, всякий почти боялся, что именно ему выпадет жребий отбывать солдатчину (в солдаты можно было отдавать не только тех, кому исполнилось только что 21 год, но и в более зрелом возрасте). Сам помещик понимал это томление своих крепостных и потому, в одном из приказов (от 5 апреля 1848 г.) мы читаем:

„А насчет рекрутов, я не понимаю, почему ты затрудняешься и опаздываешь? Высочайший манифест объявлен гораздо ранее срока, следовательно, от тебя зависит: если у тебя все исправно, то и ставь до срока. А за кем очередь, — ты знаешь или по штрафу или по моему приказанию. Нечего метаться. Знаяши прямо дело и не решаешь на исполнение оного — это соблазн дьявола. Нечего тянуть и мучить крестьян, развяжи крестьян и душе легче“.

Забота о том, чтобы намеченные в солдатчину люди были, в конце концов, благополучно сданы в часть, начиналась издали. Так, помещик пишет (приказ от 15 января 1848 г.):

„Крестьян, по усмотрению твоему, в работу распустить, а очередным в рекрута не давать годовых билетов, но полугодовые (чтобы к осени, к сроку набора, рекрута были дома—А. Б.), не объясняя им настоящей причины“; или (приказ от 31 марта 1846 г.): „Насчет рекрутчины: не выдавать в дальний губернии билетов крестьянам из семей (идет перечисление семей). Они могут работать при домах в своем уезде. И смотреть за ними, как можно строже, дабы они каких шалостей не сделали. А буде из них, кто сделает, то представить в суд и засвидетельствовать и не дожидаясь рекрутчины отдать в солдаты в зачет будущих наборов“.

Тогда, когда не было проштрафившихся крепостных, судьбу которых решал помещик, то рекрутов намечал крестьянский мир, — обычно из таких семей, где было двое, трое и больше взрослых сыновей. Мирское решение не всегда шло гладко, на него приносили жалобы барину. Так, некий Степан Осипов жалуется помещику (от 22 января 1844 г.):

„Ваше Благородие, как изволили Ваши дети быть у нас в вотчине и изволили их Милость распорядиться всеми порядками. И было распоряжение насчет рекрутства: изволили их Благородие лично мне говорить, что если кто плательщик оброка и не состоит в недомниках, то таковым ни под каким видом не быть в жребии и не ставить в рекрута. И из то есть от Вашей Милости приказ. Но бурмистр и старшины Ваши, взявши меня и мою жену на сход, сковали, начали всячески бить, требуя детех наших (а дети Осипова бежали—А. Б.). Я изъяснил им, что по приказу Господскому не велено мое семейство тревожить. Но они, не взирая ни на что, зачали нас водить от села до села скованных, а били уже бесчестно“.

Одного из сыновей Осипова мир успел поймать и сдать в солдаты. На жалобу крестьянина от барина последовал приказ разобрать дело. Бурмистр отвечает (донесение от 9 марта 1844 г.):

„Из семейства Степана Осипова сына Ивана мы отдали в рекрута потому: во-первых, по очереди, а, во-вторых, — нашли у него большую фальшу, по коей хотел избавиться от рекрутства (повидимому „фальша“ симуляция какой-либо болезни—А. Б.). А найдена у него порча бывшим бурмистром и отдатчиками и в ту же пору они

предъявили ту порчу сторонним трем человекам, а также предъявили ту порчу при всем мирском сходе. Мы отдали его не самовольно, но по первым Вашим приказаниям, в которых Вы сами изволили назначать отдавать в рекруты таковых шалунов, которые уродуют сами себя и отбегают от рекрутства. Два рекрута стоили нам 700 руб. (в набор 1844 г. рязанская вотчина дала двух рекрутов — А. Б.). Время трудное и потому, если Вы сему крестьянину сделаете послабление и оставите без наказания, то нам вотчину свою сократить от сего баловства никак невозможно, ибо и прочим крестьянам большое послабление и потачка*.

В этом же донесении сообщается о некоем Петре Каинове, дело которого „разобрали при всем мирском сходе и приговорили его с сыновьями строго наказать за то, что он, во время рекрутства, бежал из своего дома с детьми своими и находился в бегах полтора месяца“. А в период этих полуторых месяцев рекрутский набор окончился и, таким образом, сыновья Петра Каинова, по крайней мере на год, избавились от рекрутчины.

В одном из своих донесений (от 24 марта 1844 г.) бурмистр, приводя целый список крестьян, находящихся под замечанием, сообщает, что:

„Филимон Иванов находился от рекрутства в бегах. Анисим Савельев так же от рекрутства находился в бегах. Иван Яковлев испортил себе палец. У Ивана Филатова во время рекрутчины являются под бородою желваки. Пантелей Ермолов находился в набор в бегах. Терентий Макаров сделал себе кривой палец, отчего он и воротился назад от рекрутов („воротился назад от рекрутов“ — значит был назначен миром в рекрута, изувечил себя и поэтому был забракован приемной комиссией — А. Б.). Андрей Петров сделалась оба с братом — повыдергали у себя наперед зубы от рекрутства“

В заключение бурмистр просит:

„Просим Вашу Милость покорнейше, как можно таковых шалунов, беглецов и испорченных нельзя ли сократить, чтобы и прочим была бы наука, а если пропустить им, то в булущие наборы некого будет отдавать в рекрута“.

Мы уже говорили, что в рекрута ставили за ту или иную провинность. Так, бурмистр пишет (донесение от марта 1846 г.):

„Прежде я Вашей Милости доносил, что Ермила Иванова сын Петр находился в остроге по причине кражи лошадей. Потом он из острога вышел. А теперь означился в покраже пары лошадей второй раз. Чем дело кончится неизвестно. Мы всем обществом, за таковую его провинность, хотим выслать его к Вам, в Тверь, на Ваше распоряжение, а мы его унять ни как не могли. Нам его очень опасно иметь в вотчине“.

Петра Иванова к барину отправить не успели, так как, по приговору суда, его засадили в тюрьму. Но почти через год после донесения бурмистра, когда срок тюремного заключения Иванова подходил к концу, помещик шлет приказ (от 3 марта 1847 г.):

„Ермилова сына, по выпуске из острога, не давая знать отцу, сейчас же свести в губернию (т. е. в губернский город — А. Б.). Если кончена рекрутчина — отдать в зачет будущих наборов, не смотря ни на что. Если Ермил Иванов все свое именьи потратит на откуп сына и тогда его все же отдадут. Лучше бы не терять денег за недостойного сына, — там он будет скромнее.“

Выше мы цитировали донесение бурмистра (от 9 марта 1844 г.), где он упоминает о том, что расход на двух рекрутов стоил миру 700 руб. В донесении, посланном барину еще в феврале, бурмистр указывает этот расход по рубрикам:

„Посылаем к Вашей Милости расход, сколько истрачено отдатчиками:

1. Дворникам ¹⁾ отдано	120	руб.	60	коп.
2. В губернии истрачено	27	„	—	„
3. Росписи две поданы	20	„	30	„
4. Подводчики и отдатчики израсходовали	9	„	72	„
5. Лекарям отдано	135	„	—	„
6. Полковому приемщику	35	„	—	„
7. Фершалу дано	10	„	—	„
8. За баню отдано	7	„	—	„
9. За платье в казну	50	„	75	„
10. Вахмистру	1	„	75	„
11. На гражданских отдано	7	„	—	„
12. По забранию лба стало угостить	14	„	50	„
13. За квитанции	18	„	50	„
14. Награждение рекрутам	34	„	—	„
15. В Рязани отдано в подарок	103	„	20	„
16. Цирульнику отдано	1	„	20	„
17. За лапти отдано	1	„	—	„
18. Еще за платье в казну	50	„	75	„
19. По мелочи солдатам	5	„	75	„
20. Пресли рекрута в Рязани	20	„	50	„
21. За разные справки	15	„	90	„

А всего расходу вообще 689 руб. 42 коп.*

В приведенной росписи указаны расходы, до взятки включительно. Последние необходимо было давать во всяком случае, так как период набора был временем наживы для провинциальных чиновников и врачей: если рекрута были здоровыми — их все равно могли забраковать и потребовать представления от вотчины других рекрутов, что привело бы вотчину к новым хлопотам и расходам; если рекрута были с некоторыми пороками в здоровье, — за взятку они сходили за здоровых.

Так как власть помещика над крепостным, которому „забрили лоб“ кончалась, крепостной этот становился уже „казенным человеком“, солдатом, то, пользуясь этим, новобранец иногда сводил свои счета с баринном — писал последнему дерзкие письма или наносил ему какой-либо материальный ущерб. В качестве примера укажем на письмо (от 6 ноября 1854 г.) новобранца Андрея Решикова к помещику:

„Ваше высокоблагородие, Арсений Никанорович, всепокорнейше Вас благодарю, что вы меня отдали в службу военную. Еще скажу вам, что я жену свою возьму с собой. А детей куда хотите девайте. Жена моя вам детей кормить не будет. Я вам ничего не сделал. Я ушел от старосты, — он меня довел до воровства. Староста, что я украл, все себе убрал. Я лето работал, — мне ничего из дома не дали. Я продаю лошадь себе на награду. Остаюсь ваш Андрей Михайлов Решиков“.

Помещик возбудил целое дело по поводу проданной лошади, но так ничего и не добился.

Выкуп, продажа крепостных, розги. Говоря о браке, мы упоминали о выкупе на волю девушек, когда они выходили замуж в другую вотчину. Но выкупаться можно было, при согласии помещика и желании крепостного, когда угодно и даже целыми семьями. Выкупные цены были разными в зависимости от достатка выкупающейся семьи. Так, в связи с желанием некоторых семей выкупиться, помещик пишет (приказ от 4 августа 1848 г.):

„Вот вам цены крайние на выкуп: семья Василия Тихонова за 10 тыс. руб. серебром; семья Петра Осипова за 3 тыс. руб. сереб.; семья Осипа Андреева за 2 тыс. руб. сереб.; семья Осипа Егорова за 2 тыс. руб. сереб.“.

¹⁾ Дворники-содержатели постоянных дворов, где останавливались и пировали рекрута.

О продаже людей переписка велась в таких же обыденных тонах как и о всех других хозяйственных действиях. Бурмистр сообщает барину (донесение за апрель 1845 г.):

„У Бориса Прокофьева вдовая дочь Александра Борисова, и есть на нее покупатели. Если есть у Вас намерение продать ее, то пропишите и дозвоьте продать. А даю нам за нее 20 рублей серебра“.

Бурмистр доложил барину, что некий Ермил Иванов (кстати сказать, — отец сидевшего в тюрьме за кражу лошадей Петра Иванова) уклоняется от своих обязанностей — не являлся на мирскую сходку в течение семи месяцев, за что уж был дважды наказан. Помещик пишет (приказ 18 февраля 1845 г.):

„Я приказываю еще в третий раз наказать примерно строго при старшинах и на мирской сходке“.

Бурмистр доносит (в апреле 1845 г.):

„По Вашему приказу Ермила Иванова наказали. Дали только 10 розог и то он сделался очень нездоров. Нам его наказывать очень опасно“.

При мастерском сечении человека можно было сделать „очень нездоровым“ всего лишь с десяти розог...

Музыканты. Интересно отметить, что у нашего помещика среди крепостных были и музыканты — и, повидимому, хорошие музыканты. Музыканты эти зарабатывали себе пропитание и оброк своему помещику службою у некоего Соловьева, державшего антрепризу в г. Симбирске. Во главе группы музыкантов стоял крепостной Шихин, человек с высоко развитым чувством собственного достоинства, именующий себя артистом. Но и талант не спасал крепостного человека от угрозы розог и от других прелестей рабского существования.

Познакомимся с некоторыми отрывками из соответствующей переписки.

Музыканты пишут своему помещику из Симбирка (от 23 ноября 1854 г.):

„12 числа ноября прибыли мы в Симбирск весьма благополучно. Дорога от Москвы продолжалась 17 суток. Мы играли спектакль первый 18 ноября; пьеса — оперетка Кетли, водевиль „А и Ф“; танцовщица танцевала вальс из балета Сатанила. Антракт играли: увертюра оренела, ария роберт, вальс Естергазия, кадрили Есмемальда, марш Естергазия. Приказали вы записывать города (т. е. города находящиеся на пути между Москвою и Симбирском — А. Б.) — Богородск — плох, уездный; Покровск — плох, уездный; Сулагда — плох, уездный; Муром — хорош, уездный; Арзамас — порядочный, уездный; Ардатов — плох, уездный. Губернатору Бибикову и публики весьма понравились (т. е. понравилось искусство музыкантов — А. Б.). Весьма Вас благодарим. С нами еще играет в оркестре скрипач Огов, нанят из Московского театра. Он дережирует водевилям, а я дережирую увертюрами. Желаем быть здоровым, остаемся Ваши музыканты Шихин“.

В Симбирске оказался на жительство знакомый нашего помещика некий полковник Петров, который вызвался, как он сам говорит, покровительствовать музыкантам. Петров этот пишет помещику (от 22 ноября 1854 г.):

„У нас, в Симбирске, твои музыканты. Играют очень мило. Напиши самому Соловьеву, содержанию симбирской труппы, что они (т. е. музыканты) находятся под моим покровительством — в таком случае они не будут в каком либо случае обижены; с этим народом (т. е. с антрепренерами — А. Б.) надо держать ухо остро, они часто вылетают в трубу“.

Из писем Шихина видно, что музыканты нашего помещика получали ежемесячно от Соловьева по 100 руб. серебром. Оказывается,

что спустя месяца полтора по приезде музыкантов в Симбирск, Соловьев уже стал затягивать уплату музыкантам жалованья. Шихин пишет (27 января 1855 г.):

„Следует нам получить заслуженного жалованья с 25 декабря по 25 января сего года 100 р. сер., каковую сумму, несмотря на ежедневное наше требование, мы не получили. Играли (это помимо театра — А. Б.): 12 января в Собрании — 10 р.; 15 — у Бычкова — 10 р.; 17 — у Языкова, обед — 5 р.; 21 в собрании, обед — 5 р.: итого 30 р. сербром“.

В ряде писем Шихин сообщает, что они играют тут и классические вещи и всякую музыкальную чепуху. Помимо театра, музыканты играют в лучших домах города: на обедах у губернатора, у предводителя дворянства, в собрании, в немецком клубе и пр.

Петров сообщает (15 января 1855 г.):

„Музыканты твои ведут себя прекрасно. Об одном только должно сожалеть, что они связались с негодяем Соловьевым, который не платит денег ни артистам, ни музыкантам“.

Музыканты, которые все время вели себя прекрасно, с некоторого времени стали вести себя, с точки зрения полковника Петрова, неважно: играли по частным домам и утаивали заигранные деньги и пр. Петров пишет (март 1855 г.):

„Со стороны музыкантов было мошенничество — они играли в двух домах без позволения Соловьева. Это сделано было потому, чтобы деньги за вечера оставить в их пользу без дележа с Соловьевым и с своим баринном, т. е. с тобою. Притом должен я тебе присовокупить, что Шихин и Гаврила вели себя очень дурно, в особенности Шихин: за свои дерзости противу помещиков в пьяном виде чуть не попал в тюрьму. Но Соловьев укланял у помещика, испросил ему прощенья, а то пришлось бы тебе его лишиться навсегда. Это еще сотая доля его дерзостей и проказ. Если бы я все знал своевременно, я бы не посмотрел на артиста, как он себя называет, я бы его прехладнокровно выдрал. Но все это было скрыто от меня. За ними надо приставить дядьку старика, которому дана бы была власть строго взыскать, а то пропадут безвозвратно. Но как музыканты, — артисты они превосходные, ими здесь все любовались. Музыканты твои отравились 3 марта (к помещику — А. Б.)“.

Петров, друг помещика и „покровитель“ музыкантов, не успел выдрать Шихина только потому, что тот уже уехал из Симбирска, так как наступил великий пост и театральные сезоны окончились..

На этом мы кончим нашу статью, оставляя за собой право при дальнейшей разработке Трубниковской переписки посвятить ей еще несколько статей.

1 января 1928.
г. Ленинград.